

DOI: [10.14515/monitoring.2026.3.3207](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.3.3207)

Я. К. Куксин

**НА ОСТРИЕ ПОСТСЕКУЛЯРИЗМА:
ВНЕБОГОСЛУЖЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНЫХ
ПРИХОДОВ МОСКВЫ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
ПАРТНЕРСКИХ СЕТЕЙ И ПОСТСЕКУЛЯРНЫХ ГИБРИДОВ**

Правильная ссылка на статью:

Куксин Я. К. На острие постсекуляризма: внебогослужебная деятельность православных приходов Москвы как фактор формирования партнерских сетей и постсекулярных гибридов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 3. С. 43—70. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.3.3207>.

For citation:

Kuksin I. K. (2026) On the Edge of Post-Secularism: Non-Liturgical Activities of Moscow Orthodox Parishes as a Factor in the Formation of Partner Networks and Post-Secular Hybrids. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 43—70. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.3.3207>. (In Russ.)

Получено: 30.11.2025. Принято к публикации: 28.04.2026.

НА ОСТРИЕ ПОСТСЕКУЛЯРИЗМА: ВНЕБО- ГОСЛУЖЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВО- СЛАВНЫХ ПРИХОДОВ МОСКВЫ КАК ФАК- ТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПАРТНЕРСКИХ СЕТЕЙ И ПОСТСЕКУЛЯРНЫХ ГИБРИДОВ

*КУКСИН Ярослав Константинович — инже-
нер кафедры экономической и социальной
географии России географического факуль-
тета, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва,
Россия*

E-MAIL: kuksinyk@my.msu.ru

<https://orcid.org/0009-0004-0749-5568>

ON THE EDGE OF POST-SECULARISM: NON-LI- TURGICAL ACTIVITIES OF MOSCOW ORTHO- DOX PARISHES AS A FACTOR IN THE FOR- MATION OF PARTNER NETWORKS AND POST-SECULAR HYBRIDS

*Iaroslav K. KUKSIN¹ — Engineer, Department
of Economic and Social Geography of Russia,
Faculty of Geography*

E-MAIL: kuksinyk@my.msu.ru

<https://orcid.org/0009-0004-0749-5568>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Аннотация. Автор задавался целью типологизировать внебогослужебную деятельность православных приходов Москвы, описывая механизмы ее функционирования через призму постсекулярного подхода. В задачи работы входило описать на основании эмпирических данных внебогослужебную деятельность московских православных приходов и формируемые ею гибридные формы, а также составить их типологию. Ключевыми методами стали полуструктурированные интервью (17 интервью) и включенное наблюдение (10 наблюдений), проведенные в 15 православных общинах Москвы в 2023—2024 гг., а также контент-анализ социальных сетей и интернет-сайтов всех действующих московских храмов за те же годы. Интервью проводились в приходах с разными половозрастной структурой, институциональной принадлежностью, возрастом общины и другими параметрами. Результаты показывают, что Москва по праву может быть названа постсекулярным городом: описанные автором светско-религиозные и межконфессиональные взаимодействия в рамках внебогослужебной деятельности отвечают определениям постсекулярного. Обнаруженные гибридные формы этих взаимодействий были разделены на три группы: партнерские сети приходов, межконфессиональные коммуникации и симбиозы свет-

Abstract. The article aimed to develop a typology of the non-liturgical activities of Moscow Orthodox parishes and to describe the mechanisms through which these activities operate from a post-secular perspective. Its objectives included providing an empirically grounded account of the non-liturgical activities of Moscow Orthodox parishes at different spatial and organizational scales, identifying the hybrid forms generated through these activities, and constructing their typology. The principal methods comprised 17 semi-structured interviews and 10 instances of participant observation conducted in 15 Orthodox parish communities in Moscow in 2023–2024, as well as a content analysis of the social media pages and websites of all active Orthodox churches in Moscow over the same period. The interviews were conducted in parishes differing in their gender and age composition, institutional affiliation, the age of the parish community, and other characteristics. The findings demonstrate that Moscow can legitimately be described as a post-secular city: the interactions between secular and religious actors, as well as interconfessional interactions arising within the framework of non-liturgical activities, correspond to established understandings of the post-secular. The hybrid forms identified in the study were divided into three categories: interparish partnership networks, inter-

ских и религиозных организаций. Традиционно ассоциируемые с «религиозным» и «светским» практики и дискурсы активно перемешиваются, формируя преимущественно взаимовыгодные отношения и поля постсекулярных гибридов. Те, в свою очередь, ограничены набором характерных форматов взаимосвязей и появляющихся за их счет видов деятельности. Наиболее часто встречаются гибриды в образовательной сфере и социальной работе. Развитие постсекулярных гибридов в рамках внебогослужебной деятельности определяется социальным капиталом прихожан и клира, их профессиональным бэкграундом, позицией настоятеля, активностью работы в рамках викариатства, а также выделенными в первые факторами — ролью окружения храма (эффект соседства) и значимостью его наименования (ономастический капитал). Внебогослужебная жизнь православных приходов не лимитируется административными, географическими, конфессиональными и ведомственными границами, размытие которых можно отнести к свойствам постсекулярного гибрида.

Ключевые слова: приходская община, внебогослужебная деятельность, постсекулярные гибриды, РПЦ, Московская (городская) Епархия

Благодарность. Автор благодарит Марию Савоскул за методическую помощь и поддержку при проведении исследования, а также Лейсан Гатауллину за помощь при подготовке текста статьи.

confessional communication, and symbiotic relationships between secular and religious organizations. Practices and discourses traditionally associated with the “religious” and the “secular” actively intersect and intermingle, generating predominantly mutually beneficial relationships and fields of post-secular hybridity. These hybrids, in turn, are characterized by a limited set of recurring relational formats and by the forms of activity emerging from them. Hybrid arrangements are most frequently found in education and social welfare provision. The development of post-secular hybrids within non-liturgical activities is shaped by the social capital of parishioners and clergy, their professional backgrounds, the position of the parish rector, and the intensity of cooperation within the vicariate. It is also influenced by two factors identified in this study: the role of the church’s immediate surroundings, conceptualized as the neighbourhood effect, and the significance of the church’s name, conceptualized as onomastic capital. The non-liturgical life of Orthodox parishes is not confined by administrative, geographical, confessional, or institutional boundaries. The blurring of these boundaries may itself be regarded as a defining property of the post-secular hybrid.

Keywords: parish, non-liturgical activity, post-secular hybrids, The Russian Orthodox Church, Moscow City Diocese

Acknowledgments. The author would like to thank Maria Savoskul for her methodological guidance and support throughout the research, and Leysan Gataullina for her assistance in preparing the manuscript.

Введение

Постсекуляризм как набор ответов на эпистемический и эмпирический кризис секулярного дискурса неоднократно обсуждался в кругу исследователей религиозного. Являясь не столько зонтичным понятием, сколько набором близких по духу способов мышления [Узланер, 2011], фальсификаций секуляризма [Бергер, 2012] и поисков «нового Просвещения» [Caputo, 2001: 60—61], постсекуляризм с трудом поддается однозначному определению. Множество пониманий постсекулярного объясняется и большим числом определений секулярного, оспариваемых постсекулярными мыслителями. Д. Узланер выделяет четыре генеалогии постсекулярности: социологическую, нормативную, постмодернистскую и теологическую [Stoeckl, Uzlaner, 2018], — причем каждая из них весьма вариативна. В то же время не все исследователи соглашались с однозначностью постсекулярности как отражения эмпирической реальности и настаивают на адекватности, а не на необходимости пересборки теорий секуляризации [Смирнов, 2023]. Не углубляясь в эти дискуссии (см., например, [Узланер, 2011, 2013; Кырлежев, 2011, 2024; Смирнов, 2023]), равно как и не пытаюсь верифицировать или оспорить универсальность постсекулярного, обозначим три момента.

Во-первых, вслед за большинством теоретиков постсекулярности (см. обзор Д. Узланера [Узланер 2011: 32]) мы понимаем ее не как возврат к домодерному, досекулярному состоянию, а скорее как новую, более сложную, гибридную и плюралистичную картину мира, логично продолжающую постулируемую секулярным дискурсом современность [Хабермас, 2011; Кырлежев, 2024]. Соответственно, в большинстве пунктов автор разделяет предложенную Хабермасом концепцию. Во-вторых, постсекулярная ситуация характерна только для тех стран, где секулярность как состояние в целом была зафиксирована, будь то эмпирическая реальность [Хабермас, 2011] или доминирующий стиль мышления [Asad, 2003]. В этом смысле есть основания описывать Россию через призму постсекулярного — как страну с опытом насильственной секуляризации в советский период и десекуляризацией в 1990-е годы. В-третьих, существует зазор между философско-теоретическими рассуждениями о природе и динамике постсекулярного/секулярного «вообще», где большая часть литературы посвящена национальным и региональным различиям, и исследованиями конкретных постсекулярных практик в отдельных странах. Причем разрыв между теорией и эмпирической реальностью мы находим не столько между дисциплинами¹, сколько на разных уровнях. Оказалось непросто связать философские концепции и макросоциологические концептуализации с данными полевых исследований. И если в зарубежном религиоведении такие попытки известны (см., например, [Thanissaro, 2018; Wigley, 2018]), то в отечественной науке подобный опыт практически отсутствует: «Ощущается явный недостаток эмпирических исследований, которые бы операционализировали [постсекулярную теорию] применительно к российским реалиям» [Узланер, 2013: 94].

¹ Тяготеющие к препарированию локальных кейсов географы «контрабандой» внедряют упрощенную версию теории секуляризации» [Wilford, 2010: 330], в то время как в более концептуальной социологической литературе по секуляризации все еще остается пробел из-за отсутствия интереса к воплощенным, материальным и местным реакциям на абстрактные, крупномасштабные силы, приписываемые себе теорией секуляризации [ibid.: 331].

В настоящем исследовании мы попытались заполнить эту лакуну, совместив постсекуляризм как рамку с качественным эмпирическим исследованием и сфокусировав внимание на внебогослужебной жизни православных общин. Данные о внебогослужебной деятельности (здесь и далее — ВБД) конкретных общин (число направлений ВБД, число вовлеченных прихожан, количественные и финансовые показатели отдельных проектов и пр.) могут быть обобщены в масштабе города, епархии, страны, что позволяет снять вопрос о разнице масштабов. В то же время ВБД — поле наиболее тесного контакта религиозных акторов с окружающей реальностью. Именно на этой границе между тем, что традиционно мыслилось как светское или религиозное, мы ищем эмпирические проявления постсекулярных трендов. Таким образом, в задачи работы входило изучение внебогослужебной деятельности московских православных приходов в ее развитии на локальных кейсах и в масштабе всего города, а также их описание в более широком контексте постсекулярного подхода.

Исследования внебогослужебной деятельности православных приходских общин

Внебогослужебная деятельность приходов рассматривается исследователями с двух позиций: как одна из форм жизни самих общин и в качестве важного провайдера социальной помощи. Д. А. Орешина называет социальной (внебогослужебной²) деятельностью «любые внебогослужебные виды деятельности, существующие в приходе, включая не только специализированные проекты социальной помощи, но и образовательную, культурную, просветительскую деятельность, а также различные виды неформального общения прихожан» [Орешина, 2016: 102]. Схожим образом понимает ВБД Е. В. Пруцкова, разделяя приходскую жизнь на две части: богослужебную и внебогослужебную [Пруцкова, 2016: 166].

Существуют и более узкие понимания ВБД. Например, среди исследований социальной деятельности, где религиозные организации рассматриваются как провайдеры помощи нуждающимся, социальное служение понимается как любые коллективные усилия прихожан и священства по повышению влияния на общество и улучшению уровня жизни тех, кто не является членом церкви [Sider, Unruh, 2005]. Противоположный, индуктивный подход рассматривает социальные услуги общины в качестве широкого спектра деятельности, который реализуется для улучшения качества жизни в сообществе [Cnaan et al., 2002]. Мы будем пользоваться более широким определением, включающим в качестве цели деятельности как самих прихожан, так и людей, не состоящих в религиозных организациях. Внебогослужебной деятельностью мы предлагаем называть любые практики членов приходской общины, выходящие за пределы официальных богослужебной и обрядовой составляющих церковного со-бытия общины, при участии в которых действующие идентифицируют себя как часть приходской общины.

Отечественный опыт изучения ВБД богаче эмпирических исследований постсекулярности: встречаются как теоретико-методологические [Орешина 2014; Забаев, Орешина, Пруцкова, 2010], так и эмпирические работы [Пруцкова, 2016;

² Синонимы согласно Д. А. Орешиной [Орешина, 2016].

Забаев, Орешина, Пруцкова, 2013; Орешина, 2016]. Ученые выделяют семь организационных форм ВБД приходских общин: от взаимопомощи внутри прихода до подключения к сети общецерковного служения и создания социально ориентированного НКО [Орешина и др., 2021]. Справедливо отмечаются сложности учета приходской деятельности и понятийного аппарата, описывающего ее, так как многие неформальные практики внутри прихода могут не фиксироваться в отчетах, а в некоторых менее активных приходах часть услуг при храмах существуют только на бумаге [Забаев и др., 2013]. Социологи иллюстрируют этот феномен на примере введения должности социального работника при приходе в 2010 г. [Орешина и др., 2021].

Отмечается ключевая роль настоятеля храма «в формировании внебогослужебной жизни и в определении приходской социальной работы» [Орешина, 2016: 105], хотя инициатива исходит и от мирян, и от настоятелей приблизительно в равных пропорциях. Бóльших результатов в развитии социальной деятельности достигают те приходы, где полномочия и ответственность распределены между настоятелем и мирянами, т. е. децентрализованы [там же].

Отдельно отметим работы, изучающие функционирование конкретных типов внебогослужебной деятельности при храмах: православных больничных часовен, где гармонично сосуществуют «мир религии» и «мир медицины», формируются связи с другими приходами и общинами [Крихтова, 2019], и религиозных организаций, помогающих бездомным (они делают это более гибко и комплексно по сравнению с государственными структурами и также привлекают инициативные группы прихожан [Павлюткина, 2012]).

Зарубежные исследования ВБД в западных странах [Hackworth, 2010; Cloke, Beaumont, 2013; Cloke, Beaumont, Williams, 2013; Williams, Cloke, Thomas, 2012; Ley, 2008 и др.] чаще всего посвящены роли религиозных организаций (faith-based organizations) в социальной работе внутри поселения. «Религия продолжает играть важную роль в социальном обеспечении в целом, особенно в рамках усилий по борьбе с бедностью и за социальную справедливость в городах» [Beaumont, 2008: 2019]. Исследователи рассматривают религиозные организации как важное звено негосударственной социальной помощи в городах, как реакцию на рост социальных проблем в результате неолиберальных реформ и глобализации, а также — более широко — внутри движения за социальную справедливость в городах, как альтернативу помощи со стороны государства [ibid.]. При таком подходе религиозные организации понимаются как места сосредоточения социального капитала в городе, в качестве децентрализованных, сетевых форм самоорганизации и вмешательства [ibid.], что и позволяет им заполнять те ниши помощи, в которые государство еще или уже не интегрировано. Аналогичную ситуацию мы видим и на примере российских городов, например в контексте помощи бездомным [Павлюткина, 2012].

Отдельно стоит сказать про «переход от заботы о „нашем собственном сообществе“ к заботе вне социальных, культурных и этнических границ» [Beaumont, 2008: 2022], и прежде всего — о труднодоступных сообществах [Ley, 2008]. Подобная «внешняя» ориентация характерна и для отечественных религиозных организаций: социальные службы при храмах зачастую оказывают помощь группам

лиц, не имеющих отношения к их приходу / религиозной организации [Орешина и др., 2021].

Части зарубежных исследователей удавалось связать ВБД с более широким контекстом постсекулярных трансформаций; в России такие попытки пока отсутствуют. В нашей работе мы делали акцент не просто на внебогослужебной жизни и деятельности православных приходов как таковых, а именно на связях, формирующихся в результате ВБД с другими — религиозными и светскими — акторами. Иными словами, на том, что претендует на описание в качестве постсекулярных гибридов — «взаимопроникновений религии и некогда обособленных от нее подсистем общества» [Узланер, 2013: 117]. Именно этот ракурс — ВБД как индикатор постсекулярных изменений — видится нам лакуной в отечественной социологии религии и обуславливает актуальность проделанной нами работы.

Методология исследования

Исследование проходило 2023—2024 гг. в Москве. Столица была выбрана в качестве территории исследования неслучайно. Современную Москву можно назвать постсекулярным городом. С одной стороны, вместе со всей страной она имела исторический опыт насильственной секуляризации при советской власти, и в этом смысле закономерно использовать приставку пост- применительно к секуляризационным процессам в столице. С другой стороны, эмпирическая реальность современных москвичей отвечает многим определениям постсекулярности. Это и рост личной веры, фиксируемый в социологических опросах с 1990-х годов, и активное строительство новых храмов вслед за восстановлением и возвращением РПЦ старых. Также постсекулярному соответствуют конфликты и дискуссии в публичной сфере, связанные с религиозными объектами (дело «Пусси Райот» [Узланер, 2013], дискуссии на тему строительства новой мечети³, конфликты вокруг строительства храмов на территории парков⁴). Все активнее духовенство участвует в обсуждении светских тем, не связанных напрямую с деятельностью религиозной организации, — «интерпретирующих сообществ» (communities of interpretation), по Хабермасу [Хабермас, 2008]. Не последнюю роль в отдельных направлениях социальной работы, таких как помощь бездомным, играют религиозные организации столицы [Павлюткина, 2012]. И хотя многие публичные спикеры все еще высказываются в соответствии с секулярным дискурсом, где мир религии четко отделен от других сфер жизни и культуры, есть основания предполагать, что число постсекулярных взаимодействий в постсоветской Москве возросло.

Соответственно, гипотезой нашего исследования стал тезис о том, что некоторые виды внебогослужебной деятельности православных приходов могут быть описаны в терминах постсекулярного подхода, в качестве новых, нетипичных для досекулярной ситуации феноменов — постсекулярных гибридов. Чаще всего гибриды возникают за счет смешения (до неразличимости) «религиозных» и «светских»

³ Конфликт вокруг строительства огромной мечети в Москве // Институт Религии и Политики. 2023. 5 апреля. URL: <https://irp.news/konflikt-vokrug-stroitelstva-ogromnoj-mecheti-v-moskve/> (дата обращения: 21.07.2023).

⁴ Жители Лосиноостровского района Москвы противостоят строительству храма в местном парке // Коммерсантъ. 2015. 23 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2753311> (дата обращения: 21.07.2023).

объектов и практик: на приходе формируются спортивные секции, театры, клубы или даже курсы дайвинга, а взаимодействия между храмами и светскими институтами усиливаются и учащаются. Такого рода ситуации, вслед за Д. Узланером, мы предлагаем называть постсекулярными гибридами [Узланер, 2013: 117] и операционализировать в контексте ВБД через наличие связей со светскими институтами в рамках деятельности приходов (например, взаимодействие общины и общеобразовательной школы для проведения уроков и совместных мероприятий) и через участие общины в нетипичных для религиозных сообществ практиках (например, школы садоводства или спортивные секции). При всей условности границ «типичных практик» религиозных общин подобная операционализация позволяет наладить связь между философскими концептами и эмпирической реальностью в контексте изучения ВБД.

В то же время вопрос о вовлеченности москвичей в жизнь Церкви остается проблематичным. С одной стороны, опросы общественного мнения фиксируют высокий уровень идентификации себя с православием — в 2017 г. в Москве это было 66 % от всех ответивших на вопрос⁵. С другой стороны, 63 % москвичей, относящих себя к православным, никак не участвуют в деятельности религиозных организаций⁶, а в ночной пасхальной службе 2023 г. приняло участие около 600 тыс. жителей столицы⁷, то есть менее 5 % горожан. Таким образом, Москва — хрестоматийный пример «веры без принадлежности» и викарной религиозности — отправления культа меньшинством верующих от имени пассивного, не практикующего религиозную жизнь большинства.

Вместе с тем в Москве уже 15 лет действует программа РПЦ и Правительства Москвы «200 храмов», в ходе которой построено 268 храмов, и еще 57 находятся на этапах строительства и проектирования⁸. На 1 декабря 2022 г. в Москве (в административных границах, включая Новую Москву) насчитывалось 1227 храмов и часовен, в 549 из них литургия проходила не реже раза в неделю⁹. Мы видим, что при несущественной динамике доли воцерковленных за последнее десятилетие число православных храмов Москвы существенно выросло. Увеличивается и средний размер храмов и храмовых помещений, соответственно, становится больше возможностей для появления на приходе внебогослужебной жизни.

Таким образом, Москва в ее постсекулярном развитии по-своему уникальна и находится на фронтире изменений. Однако нет никаких оснований, говоря про Москву, экстраполировать какие-то тенденции и закономерности на страновой или даже крупногородской уровень.

⁵ Результаты социологического опроса ИС РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социальном, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» // Православная Москва. 2018. № 17 — 18. С. 8—9.

⁶ Там же.

⁷ Более двух миллионов человек посетили московские храмы на Пасху // РИА Новости. 2023. 16 апреля. URL: <https://ria.ru/20230416/paskha-1865676166.html> (дата обращения: 21.07.2023).

⁸ Программа строительства православных храмов в г. Москве. URL: <https://200hramov.ru/> (дата обращения: 21.07.2023).

⁹ Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы 22 декабря 2022 года // Официальный сайт Московского Патриархата. 2022. 22 декабря. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5985883.html> (дата обращения: 21.07.2023).

Данные и методика исследования

Внебогослужебная деятельность, понятая как совокупность действий членов приходской общины, выходящих за пределы официальных богослужебной и обрядовой составляющих церковной жизни, включает широкий набор формальных и неформальных практик различных групп прихожан, что делает проблематичным анализ их деятельности даже на примере одного города. Главное ограничение — состояние источников информации о ВБД приходских общин. В случае Московской (городской) Епархии РПЦ¹⁰ можно выделить четыре главных источника данных. Это база данных по социальному служению (далее — БДСС) РПЦ¹¹, приходские интернет-сайты и страницы в социальных сетях, отчеты настоятелей церквей и информация от активных прихожан/священнослужителей. Каждый из них имеет ряд ограничений и не характеризует ситуацию полностью. Отчеты настоятелей храмов не публикуются и используются исключительно для внутренних целей РПЦ, вместе с интернет-сайтами и БДСС они отражают только формальные виды деятельности, оставляя значительное число неформальных практик взаимопомощи и совместного досуга за пределами анализа. Сайты храмов и БДСС не всегда успевают оперативно обновлять имеющуюся информацию, особенно в контексте исчезновения того или иного вида деятельности. Собранные полевыми методами информация также едва ли может претендовать на полноту охвата, особенно с учетом ограниченности охвата выборки. В ходе анализа мы использовали и сопоставляли информацию из всех этих четырех источников, но главным образом опирались на интервью и контент-анализ социальных сетей и сайтов за 2023—2024 гг.

В основу работы легли полевые исследования автора, проведенные в Москве в 2023—2024 гг. Данные для анализа собирались на двух уровнях: городском и локальном. На городском уровне использовался метод контент-анализа применительно к официальным сайтам и социальным сетям всех православных приходских общин. На локальном уровне исследование велось качественными полевыми методами. Такой подход позволяет не только собрать данные о Москве в целом («фон»), но и детально рассмотреть типовые и уникальные кейсы.

В рамках локального уровня исследования ключевыми методами также стали полуструктурированные интервью и включенные наблюдения. В выборку вошли 15 приходских общин Москвы с развитой внебогослужебной деятельностью. Приходы отбирались таким образом, чтобы выборка была дифференцирована по: географическому положению храма (центр, полупериферия, периферия, старая и Новая Москва), половозрастной структуре общины, институциональному статусу (рядовые храмы, храмы при вузах, храмы при обители и т. п.), возрасту общины (старые и новые приходы), размеру храма и прихода, направленности внебогослужебной деятельности, духовной традиции на приходе (экуменические, традиционные и пр.). Предварительно по критериям отбирались храмы, далее рекрутировались информанты, для чего использовались электронные письма и метод снежного кома. Было проведено 17 качественных интервью с ключевыми акто-

¹⁰ Границы Московской Городской Епархии РПЦ соответствуют административным границам г. Москвы.

¹¹ База данных по социальному служению РПЦ. URL: <http://www.social.miloserdie.ru/> (дата обращения: 21.07.2023).

рами каждой из общин (священнослужители, активные прихожане) выборки и десять включенных наблюдений на тех же приходах во время реализации социальной деятельности (благотворительных обедов, уличной раздачи еды, кино клубов и пр.). Интервью проводились на приходах после воскресной службы или в вечернее время, по стандартизированному гайду. В половине случаев интервью продолжалось включенным наблюдением и неформальным общением с другими акторами на приходе. Полученная информация была транскрибирована и проанализирована по ключевым блокам и вопросам гайда.

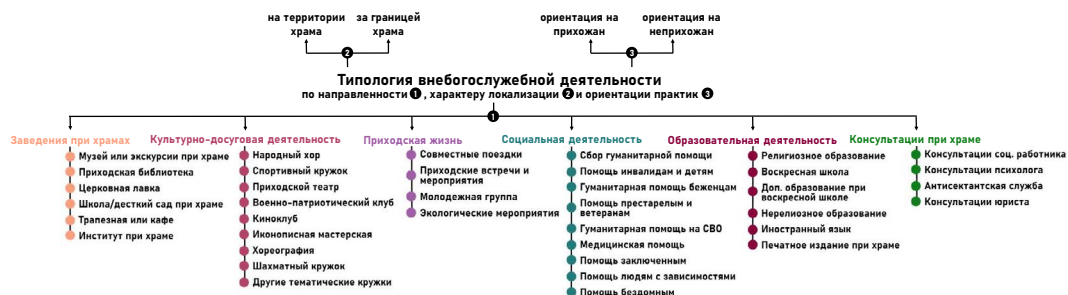
Для проведения контент-анализа необходимо было типологизировать ВБД православных приходов Москвы. Среди множества возможных различий для нас в контексте поиска постсекулярных гибридов наиболее важны были различия по направленности деятельности (специализация приходов), характеру локализации (при храме или «за церковной оградой») и ориентации деятельности (скорее для своих прихожан или для реципиентов извне прихода). В отличие от последних двух различий, являющихся бинарными и оттого относительно простыми, дифференциация ВБД приходов по видам деятельности скрывает ряд сложностей (как проводить границы между направлениями, какие критерии выбрать и др.). В связи с этим мы действовали индуктивно, опираясь на существующие типологии ВБД [Орешина и др., 2021: 165—166], а также на документ «О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви»¹², информационные плакаты в храмах, Базу данных по социальному служению РПЦ и предварительный пилотный контент-анализ интернет-сайтов московских храмов. В результате было выделено 38 направлений ВБД. Далее они были объединены в шесть более крупных групп (по принципу смысловой и организационной близости), которые мы будем называть *специализацией ВБД*. Это образовательная, культурно-досуговая, консультационная специализации, социальная помощь, а также окормление заведений при храмах и различные формы низовой самоорганизации общины. Культурно-досуговая деятельность отличается от образовательной нетипичным или, по меньшей мере, необязательным для религиозных организаций набором досуговых мероприятий и практик, тем самым скорее напоминая дом культуры, спортивную или музыкальную школу. Консультационная деятельность близка к образованию и социальной помощи, но отличается от них профессионализмом исполнителей, а потому, в отличие от всех других направлений, эта специализация автономна от включения в работу простых прихожан. Социальная деятельность характеризуется преимущественно внешней ориентацией и локализацией за пределами храмовой территории. Приходские мероприятия и практики, напротив, чаще направлены на сам приход и локализованы на территории храма (см. рис. 1).

Информация о видах ВБД всех 715 действующих православных приходов Московской Городской Епархии РПЦ (472 приходских храма, 243 приписных) собиралась при помощи неавтоматизированного контент-анализа официальных сайтов и социальных сетей общин и агрегировалась в табличном виде в соответствии с разработанной типологией. Полученные данные сопоставлялись с информаци-

¹² О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата. 2011. 4 февраля. URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/1401894> (дата обращения: 21.07.2023)

ей о приходской жизни электронного справочника храмов Москвы¹³ и корректировались. В дальнейшем работа с получившейся базой данных велась статистическими методами.

Рис. 1. Типология внебогослужебной деятельности

Источник: составлено автором.

Результаты исследования

В ходе внебогослужебной деятельности могут устанавливаться отношения между православными храмами и внешними контрагентами — религиозными и нерелигиозными организациями. Вероятность появления подобных связей выше в приходах, имеющих внешнюю ориентацию и внехрамовую локализацию ВБД, хотя это возможно и в храмах с наиболее простыми видами последней. По своей форме отношения с контрагентами более всего напоминают сети, в связи с чем вслед за социологами [Орешина и др., 2021] мы будем называть их *сетями партнерства*. Сети партнерства прихода — это одновременно и результат внебогослужебной деятельности, и ресурс, который может быть использован для ее развития [там же: 188]. Безусловно, далеко не любой вид ВБД выходит за церковную ограду, однако именно общины с наличием таких связей и стали объектом нашего исследования. Многообразие подобных сетей мы поделили на три группы: связанные с другими православными приходами, связанные с другими конгрегациями и связанные со светскими организациями.

Взаимодействие приходских общин с другими приходами и религиозными организациями

Из выделенных нами три групп сетей партнерства на базе ВБД наиболее часто встречаются связи между разными приходами. В ходе полевого исследования мы попытались выделить характерные типы подобных сетей в зависимости от причин их зарождения.

Пожалуй, главное основание внутрицерковных сетей партнерства — личные связи священнослужителя или настоятеля. Отчасти это обусловлено административной функцией последнего: без его благословения невозможна реализация даже тех практик, в которых участвуют исключительно миряне. Нередко встречаются

¹³ Храмы // Московская (городская) епархия. URL: <https://sprav.moseparh.ru/monasteries#areaType=moscow&selectedLetter=%D0%90&> (дата обращения: 21.07.2023).

ситуации, когда дружеские отношения между православными общинами столицы закладываются благодаря переводу одного из священнослужителей в строящийся храм и присвоению ему сана настоятеля. Чаще всего он сохраняет связи со своим прошлым приходом, и в результате накопленный внутри общины социальный капитал становится основанием для межприходской сетевой коммуникации.

Мы мигрируем по всем храмам, поэтому если нам на венчании не хватает места в наши трапезные, то мы обращаемся к отцу Павлу [имя изменено] на Ходынку. Если нам надо провести трапезу в открытом пространстве, то мы едем к отцу Петру [имя изменено] в Покровское-Стрешнево. (Активная прихожанка, приход № 12)

Оба священнослужителя из приведенной цитаты раньше служили на приходе № 12, с которым поддерживают тесные связи во внебогослужебной жизни. На фоне активного храмового строительства в последнюю декаду таких случаев становится все больше, у многих больших и активных общин появляются «дружеские приходы». Нередко благодаря связям организуются совместные мероприятия.

Волейбол сплавивал несколько храмов. Как раз храм святителя Николая, наш, и еще храм святителя Иннокентия, который на Дмитровке находится. Вот, а еще и Ксения Петербургская, из Бескудникова который. Ну, то есть мы как-то подружились, сплотили команду. Потом тоже после волейбола шли на приход, и у нас там была беседа с батюшкой. <...> То есть все равно это как-то с верой пересекалось с каким-то таким... с духовно-просветительской деятельностью. (Активная прихожанка, приход № 12)

Встречаются и случаи, когда часть общины не просто сохраняет духовные и личные связи с переведенным настоятелем, но и помогает в инициированной им деятельности уже на новом месте.

У нас есть связь с московскими приходами: Бирюлево, в котором я служил. Там с духовенством прекрасные отношения. Они приезжают — и готовят, и сами бездомных [кормят]. То есть у нас есть еще дни Бирюлева, которые приезжают из Бирюлева и кормят бездомных на своих добровольцах. (Настоятель храма, приход № 1)

Подобные контакты и виды совместного межприходского досуга сложно представить как в дореволюционной (досекулярной) приходской жизни Москвы, где приходы формировались по территориальному принципу, так и в советский секулярный период, когда жизнь православного прихода была локализована, строго регламентирована и гиперприватизирована [Шишков, 2012]. Следовательно, подобные сетевые формы внебогослужебной жизни можно считать постсекулярными гибридами, где территориальные границы прихода нарушаются, а коммуникация выходит далеко за пределы связанных с религией практик.

Другой вариант взаимодействия на том же основании — дружба между священниками и настоятелями исконно разных приходов. С течением времени эти связи между священнослужителями могут проецироваться на других членов общин.

Коптево, наши друзья, соседи, настоятели наши дружат. Потому что мы часто и туда, и сюда. Отец Петр и отец Павел [имена изменены], они в свое время — ну, то есть до того, как стали настоятелями, — служили вместе в храме Космы и Дамиана в Химках, где познакомились, подружились, имеют схожие хобби, взгляды. И, в общем, дружат семьями. А мы с сестрами дружим, то есть у нас как-то тоже вот такое единомыслие есть, очень тоже дорожим и соседством, и близостью. Действительно родные, дорогие и любимые. (Сестра милосердия, приход № 13)

Как видно из цитаты, часто такие связи оказываются продуктивными из-за территориальной близости храмов. На общности территории строится другое основание приходской интеграции — принадлежность к одному викариатству и усилия его священноначалия по проведению совместных мероприятий — от молодежных хоров до спортивных турниров.

Викариатство... Благодаря нему у нас есть единые площадки для обмена информацией, и периодически все ходят друг к другу в гости, на особые литургии, какие-то мероприятия... (Алтарник, приход № 4)

Масштаб и уровень вовлеченности в последние годы существенно различаются по викариатствам города. Различаются и форматы совместной деятельности. Например, несколько общин центра столицы объединены так называемыми «московскими паломничествами».

Мы их (соседские приходы) зовем на тематические прогулки по храмам Москвы. Это инициатива, которая родилась у нашей прихожанки: ходить по праздникам в храмы, где соответствующие святые. (Ответственная за молодежную работу, приход № 4)

Однако чаще полноценная сеть приходского партнерства создается за счет совместного участия в проектах и мероприятиях викариатства.

Это именно географическая, территориальная привязка, она действительно есть, и это работает. Мы немножко участвовали в молодежном хоре Западного викариатства, и мы ездили по разным храмам, мы в лицо представляем священников, и связи завязываются. У нас завязалась связь с батюшкой из Толстопальцево, а это вообще за Рассказовкой, и мы приезжаем, хотя не имеем никакого отношения к этому храму. (Представитель молодежного хора, приход № 2)

Таким образом, принадлежность к той или иной административно-территориальной единице церковной иерархии может влиять и на активность ВБД на приходе, формируя нехарактерные для секулярного и досекулярного периодов отношения и практики.

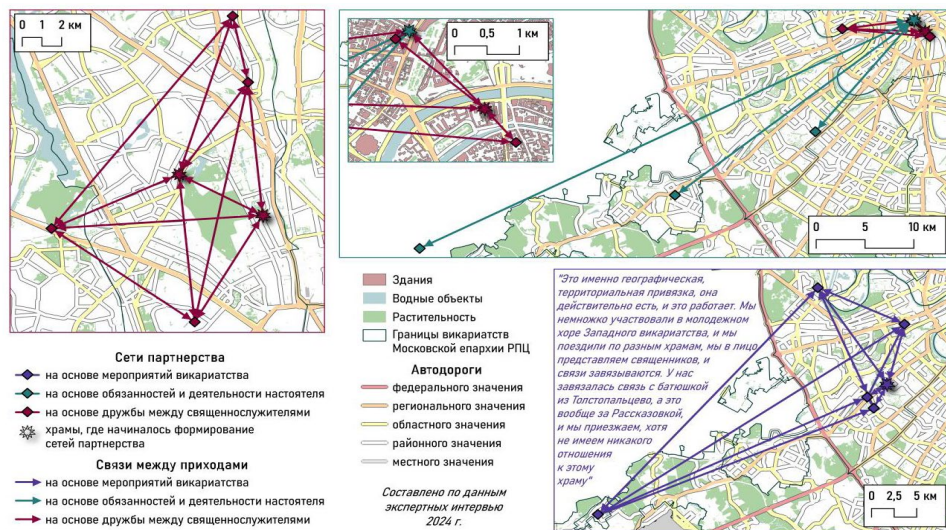
Основанием для вовлечения в сети приходского партнерства также становится общее название храма или принадлежность к единой организации. Так, Татианинский храм при МГУ поддерживает контакты с новым храмом университета, а церкви, названные в честь одного святого, стараются организовы-

вать совместные праздники (в отдельных случаях и другие, более регулярные формы ВБД).

Есть еще дни памяти великомученика Георгия, которые не особо празднуются в Москве, но у нас оно празднуется особо, потому что всегда приезжает грузинский хор из храма Георгия Победоносца, который находится у зоопарка. И у нас обычно одну из служб поет грузинский хор, а потом обязательно раздаются хачапури, ну, то есть какой-то такой праздник во дворе, то есть у нас дни памяти о Георгии Победоносце. Поэтому у нас еще и дружба народов. Отец Владимир [имя изменено], он тоже на самом деле очень любит Грузию. И теперь они тоже стараются с матушкой ежегодно приезжать в Грузию. А это все равно плюс-минус, но с какой-то частью наших прихожан. (Активная прихожанка, приход № 12)

Получается, только общность именования храмов может стать поводом для формирования сетей партнерства, даже если между общинами нет ни социальной, ни территориальной близости, как в описанных выше более типичных случаях (см. рис. 2).

Рис. 2. Сети партнерств между православными приходами Москвы и основания их формирования

Источник: составлено автором по данным экспертных интервью.

В результате описанных взаимоотношений между приходами формируются сети связей, покрывающие значительную часть города, а местами и выходящие за его административные границы. Таким образом, на примере сетей партнерства московских приходских общин мы видим не только размывание границ между светским и религиозным (например, игра в волейбол несколькими общинами на территории школы в обмен на проведение уроков), но и трансформацию привычных территориальных границ приходов.

Взаимодействие приходских общин разных христианских конфессий

Помимо православных приходов и других институций РПЦ, религиозными контрагентами православных храмов в их внебогослужебной жизни могут становиться общины других христианских конфессий. Межконфессиональное общение — редкий феномен для нашей страны, и потому оно изучалось на единичных примерах. Как ни парадоксально, межконфессиональные коммуникации осуществляются не только в рамках внебогослужебной жизни верующих людей, но и в совместных молитвах, таких как молитва Taize (Тезе)¹⁴, раз в месяц проводимая в одном из православных храмов центра Москвы. Однако чаще это все-таки нелитургические мероприятия, носящие эпизодический характер. Со стороны РПЦ в межконфессиональном общении участвуют по большей части молодые люди из нескольких общин, наследующих экуменическую православную традицию о. Александра Меня, а также некоторые другие миряне-экуменисты. За последние пять лет сложилась традиция проводить экуменические встречи во время Недели молитвы о единстве христиан. Изначально это была инициатива Католического молодежного центра, которую поддерживали православные и протестантские экуменисты. Зимой 2024 г. мероприятия вышли на новый уровень: встречи стали проводиться два дня подряд в формате экскурсий по храмам всех трех конфессий. Участие в них приняли более 50 православных, католиков, лютеран и пятидесятников, преимущественно представители молодежных групп своих общин. В мае того же года по инициативе православного христианина был проведен экуменический пикник, где общение происходило в неформальной обстановке.

Экуменическое взаимодействие не ограничивается живым общением. Общий чат в мессенджере, появившийся в результате описанных мероприятий, насчитывал на момент написания работы более 100 участников. Христиане разных конфессий анонсируют там мероприятия своих приходов, регулярно приглашают друг друга к участию в них, поздравляют с праздниками и делятся важными новостями.

Подобные формы офлайн- и онлайн-коммуникаций также могут быть рассмотрены в качестве постсекулярных гибридов. Хотя экуменическое движение формировалось в годы доминирования секулярной парадигмы (частично — как ответ на нее), в постсекулярных обществах религиозные организации сталкиваются с новыми вызовами. Плюрализм современного мира и конфессий [Хабермас, 2011] актуализирует экуменические идеи, и формирующиеся в результате гибридные коммуникации вроде пикника или совместного песнопения рушат привычные конфессиональные границы, пусть и в единичных случаях.

За церковной оградой: взаимодействие приходских общин с нерелигиозными организациями

Третий тип сетевых партнерских отношений православных приходов — связи с нерелигиозными организациями разных направлений деятельности. В контексте изучения постсекулярного эти виды деятельности наиболее важны и интересны, так как сильнее всего трансформируют привычные секулярные фреймы.

¹⁴ Молитва Taize — экуменическая молитва, проводимая раз в месяц на регулярной основе в одном из православных храмов города и объединяющая христиан разных конфессий.

И хотя подобные связи есть далеко не у каждого прихода, они играют важную роль во внебогослужебной жизни общин и их контрагентов в Москве.

Принципиальным видится различие одно- и двусторонних связей между православными приходами и светскими организациями. В случае с социальной деятельностью чаще встречается первый тип, когда активисты из прихода оказывают какую-то помощь целевой группе, а обратная связь не подразумевается. Так, 87 столичных приходов окормляют центры московского долголетия (всего в Москве 86 центров) и как минимум 45 общин помогают Центру социальной адаптации¹⁵. Многие приходы имеют связи с геронтологическими центрами и центрами реабилитации, а также с городскими больницами (136 храмов, или 29 % от всех московских, имеют сестричество либо другую форму кооперации с медицинскими заведениями). Из менее систематичной и более дифференцированной от прихода к приходу помощи необходимо также отметить универсальную гуманитарную помощь — от сбора вещей до денежных средств (370 храмов, 78 % от всех московских), помощь детям и инвалидам (190 храмов, 40 % от всех московских), помощь беженцам (186 храмов, 39 % от всех московских), помощь престарелым и ветеранам (170 храмов, 36 % от всех московских), помощь солдатам на СВО (155 храмов, 33 % от всех московских), помощь заключенным (83 храма, 18 % от всех московских), помощь людям с зависимостями (77 храмов, 16 % от всех московских), помощь бездомным (72 храма, 15 % от всех московских). Зона обслуживания этих видов приходской помощи не ограничивается территорией Москвы. Ряд общин отправляет продукты, оборудование и вещи в другие регионы (прежде всего — в пределах Центральной России) и вовлекает приходы малых и средних городов в свои образовательные и культурные проекты.

У нас есть список тех, кто более нуждается в помощи, в поддержке на приходе. И, соответственно, потом по ним это все распределяется. Когда там вещей много набирается, отвозится в Ивановскую область. Не помню, какой приход. И в Тверскую область тоже, так как там остались матушки и игумены знакомые. В Борске у матушки есть детский дом, поэтому частенько туда тоже что-то отвозят. Ну, в общем, не замыкаемся... (Активная прихожанка, приход № 12)

Для вовлечения во внебогослужебную деятельность периферийных сельских приходов задействуется иерархическая структура РПЦ: через епархиальные дома и сеть знакомых служителей становится возможным взаимодействовать с удаленными поселениями. В отдельных случаях региональные приходы рассматриваются не как реципиенты помощи, а как подспорье в социальной деятельности на территории региона. В таких случаях силы московских и местных прихожан объединяются для оказания помощи на отдаленных от столицы территориях.

Встречается и другой тип взаимодействия, претендующий на статус постсекулярных гибридов, — обоудовыгодное взаимодействие светских организаций и православных приходов. Оно характерно для культурно-образовательной и миссионерско-катехизаторской деятельности общин. Например, когда школа и прихожане

¹⁵ Здесь и ниже количественные данные о распространенности тех или иных направлений получены посредством контент-анализа сайтов и социальных сетей приходских общин Москвы.

договариваются о вовлечении в мероприятия и проекты друг друга. Взаимодействие нередко происходит за счет одновременного действия эффекта соседства и личных связей. Последние нередко завязываются в силу географической близости храма и организации-контрагента.

Да, мы с ними (кадетским корпусом) подружились, когда назначили наших настоятелей, и как раз параллельно назначили нового директора корпуса, генерала. И очень подружились они, и вот как-то все-таки от головы все. Он человек верующий, он человек, понимающий ценность такого воспитания, христианского. Поэтому он сказал — пожалуйста, давайте, мы во всем будем вам помогать, во всем будем вас спасать. Поэтому они нам дают детей, немножко где-то там двигают что-то, какие-то праздники вместе у нас, престольные праздники. Конечно, это очень действует на них, на детей. Они как-то действительно меняются в хорошую сторону, какие-то более глубокие становятся... (Сестра милосердия, приход № 13)

Так как первичные договоренности о сотрудничестве заключаются между конкретными людьми, оказываются важны социальный капитал активных прихожан и их профессиональный бэкграунд.

Чаще всего между светскими и религиозными организациями возникают связи, подразумевающие совместную деятельность на взаимовыгодных условиях.

Чтобы мы тоже не мыкались по уличным площадкам, я пришла в школу и договорилась с директором, что давайте мы на взаимовыгодных условиях будем дружить. То есть вы нам предоставляете (физкультурный) зал два раза в неделю. Мы ходим тренироваться в вечернее время, чтобы это не мешало обучению и учащимся. А мы взамен этого приходим и занимаемся с вашими детьми. Проводим какие-то мастер-классы, рассказываем о вере, проводим экскурсии на приходе. Ну, в общем, такая движуха была. А так как там детки с особенностями развития, то, естественно, директор как-то тоже так расположился, откликнулся. Ну, еще ввиду того, что и образование мое позволяло выстраивать работу с этими детьми. Поэтому мы так дружили. (Активная прихожанка, приход № 12)

Каждая из сторон получает свои преимущества от взаимодействия. Если школе, например, может быть выгодно закрыть потребности в кадрах для уроков Основ религиозных культур и светской этики и внешкольных досуговых мероприятий, то приходы нередко нуждаются не только в помещениях, но и в профессиональных кадрах.

И там у нас такие были великолепные праздники, которые мы проводили именно со школой, с хореографическим отделением и детской школой искусств. И поэтому это было всегда очень красиво, зрелищно, потому что на базе воскресной школы, к сожалению, вот такого качества, естественно, [достичь] невозможно, потому что... Ну как, музыкальная школа, там же комплекс дисциплин, на которые там ходят чуть ли не каждый день, четыре-пять раз в неделю. Мы не можем это организовать. Педагоги должны получать зарплату, у нас такой возможности нет — платить такие деньги, а так це-

лыми днями заниматься тоже сложно... Поэтому такой тандем, сотрудничество, когда мы просто с общеобразовательными школами искусств сотрудничаем и объединяемся на мероприятиях, он получился очень, на мой взгляд, удачным. (Директор воскресной школы, приход № 2)

В то же время возможны разные сценарии взаимодействия. Нам встречались случаи, когда отношения между сторонами сложно было назвать равными.

Благодаря тому, что мы там занимались, у нас было условие, что раз вы к нам не относитесь, раз вы тратите наш свет, нашу воду, будете вроде как отрабатывать тем, что будете представлять наш интерес в этих мероприятиях. И они куда велят — везде нас отправляли. Какие-то там конкурсы, там, городские, на Поклонной горе, ну, в общем, куда мы только не ездили, где мы только не участвовали. (Директор воскресной школы, приход № 2)

Различаются партнерские связи и по источнику инициативы: если в приведенных выше примерах последняя исходила от общины, то нередко (особенно в рамках социальной деятельности) со своими идеями в храм приходят люди извне прихода. Чаще всего такие ситуации становятся возможными при двух условиях — наличии какого-то служения при храме и выходе информации о нем за пределы прихода.

Люди инициативные приходят, они хотят что-то делать — пожалуйста, мы даем площадку, даем возможности технически обеспечивать. Вот у нас мы начали кормить пенсионеров, нам одна компания стала привозить продукты, которая занимается кейтерингом. То есть у них есть фабрика, кухня, они там готовят, и там какую-то часть они привозят нам. Мы кормим бездомных. Иногда из соседнего ресторана приходит управляющий, приносит слайсер, сам режет, то есть люди подтягиваются сами. (Настоятель храма, приход № 1)

Симбиотические отношения возможны благодаря отсутствию формализма, а также привлекательности существующего вида деятельности и его акторов.

Ну, они узнают когда, они спрашивают: что у вас там, а как вам помочь тут? Ну давай вот это вот. Ну давай. То есть они видят, что да, живое дело, что здесь не какая-то формальная структура, где нужно сначала вступительный взнос, билет, там, партийный получить и так далее. Здесь нету собраний, нету обязательности. Человек приходит, когда он может, понимаете. Чем больше формальности вот в участии человека, тем сложнее ему принять участие. То есть вот самый главный принцип все-таки вот этих всех вещей — это свобода. (Настоятель храма, приход № 1)

При этом в наиболее успешных социальных проектах нашей выборки отсутствовали не только отношения власти и формализм, но и конфессиональные рамки. Так, и во внебогослужебной деятельности активных воскресных школ, и в социальных служениях многих московских приходов могут принимать участие не только прихожане, более того — не только православные христиане, но и представители других религий и неверующие люди.

Мусульмане приходят кормить бездомных, то есть это общечеловеческое, это не только храм, храм — это просто база, площадка. Человек может прийти любой, то есть любого вероисповедания, если он честно хочет помогать людям, не заниматься каким-то прозелитизмом. У нас такого нет. Мы кормим бездомных, мы не заставляем их креститься. Мы сегодня познакомим вас с мусульманином — может, он обратит вас? (смеется) (Настоятель храма, приход № 1)

Таким образом, снова, уже в постсекулярных гибридах другого типа, мы видим снятие конфессиональных барьеров. Хотя, безусловно, бывают и другие случаи, когда участие во внебогослужебной жизни общины может иметь существенно больше условий для входа, особенно для людей, не причисляющих себя к РПЦ. Точно так же есть немало приходских социальных служб и образовательных структур, которые ставят главной задачей христианскую миссию, в том числе за воротами своего храма и при проведении мероприятий вместе с нерелигиозными организациями, где не все участники могут изъявлять желание и готовность становиться объектом миссии.

Так или иначе, распространенность связей между религиозными и светскими организациями — результат постсекулярных процессов и пример характерных для них гибридов. Связи со школами, детскими культурными центрами, бизнес-структурами, центрами социальной помощи, с одной стороны, отражают естественные для религиозных сообществ практики милосердия, творческого созидания и миссионерства, распространенные в христианской культуре с момента ее появления. С другой стороны, все чаще миряне вовлекаются в несвойственные для традиционной (досекулярной) религиозной жизни практики вроде спорта, нерелигиозного образования или экологических мероприятий. Кроме того, православные приходы играют важную роль в социальной работе Москвы. Одни стараются привнести в эту деятельность религиозные мотивы и смыслы, другие скорее реализуют христианские ценности и мораль посредством действий, в том числе совместно с иноверцами и атеистами. Так или иначе, в ряде направлений социальной помощи мы видим как религиозно-государственное партнерство (например, в рамках программы «Московское долголетие»), так и «латание дыр» в тех сферах, где государство и светский частный сектор не закрывают все потребности. В этом смысле Москва имеет много общего с постсекулярными городами Великобритании, где религиозные организации выполняют ту же функцию одного из главных провайдеров услуг в отдельных направлениях социальной работы [Beaumont, Baker, 2011].

Факторы формирования связей в постсекулярных гибридах

Несмотря на многообразие проявлений постсекулярного на базе внебогослужебной деятельности православных приходов, число их направленностей и форматов ограничено. Далеко не с любым светским контрагентом установление отношений в принципе возможно. Лимитирован и набор факторов, определяющих, с институцией какого рода будут установлены связи, а впоследствии и реализованы общие проекты. И, более широко, какая нетипичная для религиозной организации направленность деятельности будет воплощена в жизнь.

Наиболее часто направленность связей приходов со светскими организациями определяется профессиональными компетенциями и рабочими связями вовлеченных во внебогослужебную деятельность прихожан и священнослужителей. В более простых случаях активист из прихода имеет определенные профессиональные компетенции и реализует их для развития ВБД.

Я сама учитель музыки, поэтому чем богаты, тем и рады, как говорится. Я просто сама это люблю. (Директор воскресной школы, приход № 2)

Свой профессиональный бэкграунд и связанный с этим социальный капитал может реализовывать и сам священнослужитель.

Он (настоятель) с театральной такой среды, потому что он бывший актер, жена у него бывшая актриса, она в МХАТе или в ГИТИСе, и дети его. Его самый старший сын, он оператор, он, например, в храме ведет курсы по фотографии. И он, например, в этом [приходском] кафе делает кинопоказы, как человек, который разбирается в кино. (Активная прихожанка, приход № 10)

Однако это не всегда выходит за границы прихода и ведет к формированию сетей партнерства со светскими организациями. Необходимы и интерес со стороны контрагента, и обоюдная полезность планируемого, и, что немаловажно, наличие личных связей.

Сейчас я вот уже второй год тоже депутат муниципальный, и у нас как бы в нашем депутатском корпусе три руководителя общеобразовательных школ в нашем районе. Благодаря этой дружбе проще договариваться стало, и мы как бы и совместно концерты проводим, и мы к ним, они к нам, то есть как бы вот тоже связи расширились благодаря этому... И там же директор опять же школы искусств поменялся, она теперь тоже депутат, мы с ней тоже дружим. И теперь уже как бы намного проще. Раньше через педагогов, когда все-таки педагогам же нужно еще подойти там, согласовать с руководством... А теперь уже как бы это все делается через непосредственно руководителей этих учреждений образовательных. (Директор воскресной школы, приход № 2)

Важен и масштаб планируемой деятельности: личные компетенции могут уйти на второй план, а на первый — выйти специализация организации, с которой аффилирован приход (если таковая имеется). Так, храмы при вузах отличаются развитой образовательной деятельностью, а приходы при монастырских обителях и епархиальных отделах — эффективной социальной помощью. Помимо возможности реализовать тот или иной вид деятельности, организации вроде вуза или обители также предоставляют дополнительные ресурсы для создания и поддержания различных программ. Это могут быть активные люди, профессионалы своего дела, помещения, оборудование и пр. Например, в храме при МГУ значительная часть инициатив исходит от выпускников вуза, преподаватели университета читают лекции (чаще всего на нерелигиозные темы), а в храме при МГИМО

студенты самоорганизуются для проведения литературных встреч и помощи нуждающимся. Особенно важно при этом, насколько далеко расположен храм относительно связанной с ним институции.

Близость, географическая даже, храма при журфаке важна, преподавателям и студентам два шага дойти! (Активный прихожанин, приход № 4)

Роль соседства растет в связи с информационным обменом между приходом и организацией. Например, в случае храма при обители деятельность прихода вообще едва ли отделима от деятельности служб самой обители.

Инт.: А вот как-то разделяется это вообще, что при храме, а что при обители?

Инф.: Нет, в едином ритме. Нет такого, что вот это при храме, а это тут. Просто очень много всего... (Активная прихожанка, приход № 14)

Однако фактор соседства важен не только для храмов, уже связанных со светским учреждением. Иногда для зарождения контактов с культурными объектами города достаточно комбинации личных связей и близкого расположения. Так, соседство привело к сотрудничеству между Пушкинским музеем и расположенным поблизости храмом Антипы Пергамского.

Просто соседство, реально два шага. Часть наших прихожан работает в Пушкинском музее. Они, может, и стали ходить из-за того, что работают. И например Ксения [имя изменено], она работает там. И она часто зовет на открытие каких-то выставок. И когда была ночь музеев, что-то на территории храма делали. И помню, что наш хор выступал в Пушкинском музее. Что-то такое околодуконное они пели. (Активная прихожанка, приход № 10)

Другой пример взаимовыгодного сотрудничества соседствующих организаций — упомянутый выше кейс прихода, безвозмездно пользующегося спортивным залом школы, взамен чего прихожане ведут образовательно-просветительские программы для детей и привлекают их для участия в мероприятиях прихода.

Еще один фактор зарождения связи приходов со светскими институциями — роль наименования храма. У некоторых святых, в честь которых названы православные храмы, есть биографические особенности, в связи с чем они выступают в качестве покровителей групп верующих. В нашем исследовании сразу в нескольких храмах выборки это опосредованное наименованием церкви покровительство становилось причиной зарождения контактов между приходом и светской организацией.

Так, община храма Флора и Лавра (покровители животных) установила связи с сетью государственных ветеринарных клиник и четырьмя ветеринарными вузами.

Сейчас мы сотрудничаем с городской ветеринарной службой, поскольку день ветеринара — это день Флора и Лавра, 31 августа. Поэтому вот сейчас молебен был большой для всех учащихся из ветеринарных вузов. Порядка 150 студентов было у нас, мы ре-

гулярно поддерживаем связь. Дети наши ходили в музеи в ветеринарии, потом тут вот мы делаем свечи, окопные сетки плетут... (Настоятель, приход № 1)

В другом храме, названном в честь эфиопского святого Моисея Мурина, установились теплые отношения с эфиопским землячеством и посольством в Москве, поддерживается регулярное неформальное общение, проводятся совместные паломнические поездки, организуется участие в мероприятиях друг друга.

Инф.: Мы сотрудничаем, даже дружим с эфиопским землячеством в Москве с 2019 года. Как мы на них вышли? Сначала я пыталась официальные письма писать в РУДН, но было очень сложно. Отвечали все эти официальные лица, что, ой, вы знаете, нет, как-то мы с церковью не очень сотрудничаем. Я написала просто напрямую одной девушке, эфиопской студентке. И она вот их организовала, всех этих студентов, кто именно хотели, они пришли. Вот так вот завязалось общение. Нужно сказать, что они в основном все христиане, эфиопы. Потом пришли люди из посольства. Им, конечно, тяжело очень добираться, но были совместные какие-то мероприятия, посвященные культуре Эфиопии. Отдельно они нас звали, всю эту кухню нам показывали, даже не здесь, а именно в эфиопском ресторане.

Инт.: А ты вообще изначально заинтересовалась почему?

Инф.: А потому что храм освящен все-таки в честь этого святого, и, мне кажется, нужно завязывать какие-то отношения с представителями... (Помощница настоятеля, приход № 5)

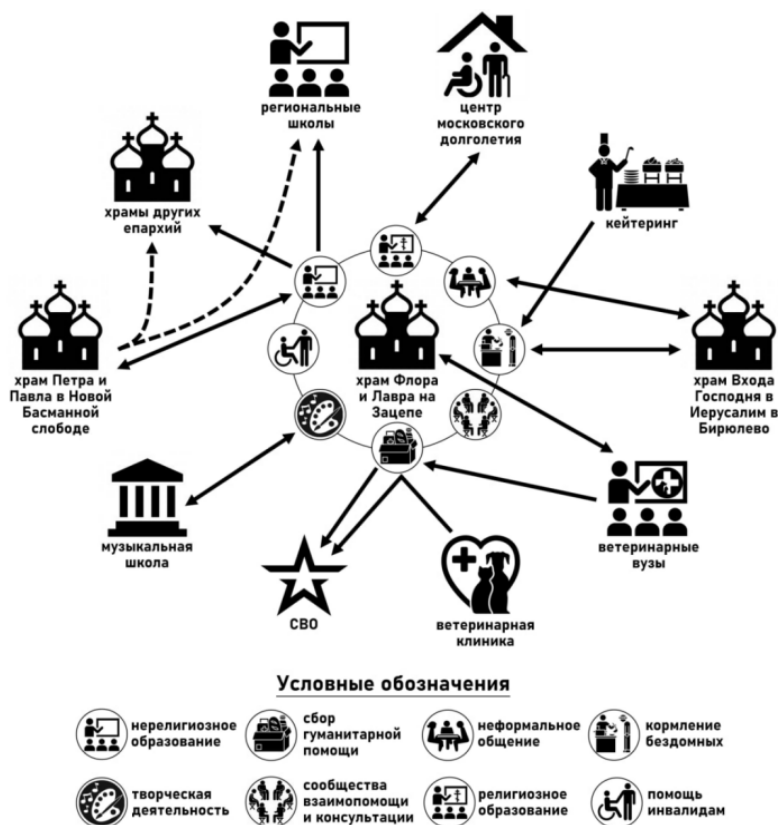
По этому же принципу при храме Феодора Ушакова появились навигационная школа, окормление студентов военно-морских специальностей и другие мероприятия, связанные с морской тематикой. При храме грузинской святой Нины — взаимодействие с грузинской диаспорой и тематические грузинские мероприятия, при храме святых Петра и Февронии систематически проводятся лекции для тех, кто хочет создать семью и разрешить семейные проблемы, планируется создание центра помощи семье. Приход храма, названного в честь вознесшегося на небо Илии Пророка, окормляет солдат ВДВ, сотрудничает с их ветеранскими организациями, помогает в создании кадетского корпуса и школы-интерната с патриотическим воспитанием и участвует в других мероприятиях ветеранов ВДВ. Соответственно, именование храма может быть рассмотрено в качестве аффорданса, определяющего рамки возможного взаимодействия с другими организациями и ВБД вообще.

Внебогослужебная жизнь православных приходов не лимитируется административными, географическими, конфессиональными и ведомственными границами, размытие которых можно отнести к свойствам внебогослужебной деятельности как проявлений постсекулярного (см. рис. 3). Причем это возможно в рамках одного прихода.

В храме Флора и Лавра на Зацепе, который нельзя назвать ни большой общиной, ни популярным молодежным приходом, ни храмом при светской институции (в том числе с выгодным соседством), возникают связи со светскими образовательными организациями (образовательными и музыкальными школами), вете-

ринарными клиниками, центрами долголетия, а также с приходами и школами далеко за пределами Москвы. Вовлечены в эту деятельность не только прихожане и клир, но и волонтеры, принадлежащие к другим конфессиям, и светские бизнесмены. Такая деятельность ведется не только в офлайн, но и в онлайн-формате. Жизнь многих московских приходов отвечает определениям не только постсекуляризма, но и транслокальности или гибридной реальности.

Рис. 3. Схема сетей партнерства храма Флора и Лавра на Зацепе

Источник: составлено автором по данным экспертных интервью.

Заключение

Результаты показывают, что Москву можно определить как постсекулярный город. Для православных прихожан, активно участвующих в жизни своих приходов, храмы чаще всего становятся третьим местом. Выбирая храм в качестве третьего места, в условиях перманентной нехватки времени воцерковленные горожане решают реализовывать свои творческие идеи, профессиональные компетенции и интересы в рамках деятельности прихода. За счет этого круг реализуемых на приходах видов деятельности расширяется далеко за пределы традиционных церковных фреймов. При храмах появляются спортивные и творче-

ские занятия, психологические и юридические консультации, уроки иностранных языков и пр. Несмотря на взятый патриархом Кириллом курс на формализацию и унификацию приходской деятельности, мы все же находим нестандартные виды ВБД, будь то курсы дайвинга, кузнечное дело или автомастерская при храме. Четко обозначить, какая деятельность может быть включена в приходскую жизнь, а какая — нет, становится все сложнее. Традиционно ассоциируемые с «религиозным» и «светским» практики и дискурсы смешиваются, формируя преимущественно взаимовыгодные отношения и поля постсекулярных гибридов. Нарушаются территориальные, конфессиональные, административные и воображаемые границы.

В то же время масштабы выхода за привычные рамки и фреймы приходской деятельности не бесконечны, а экзотические направления, хотя и встречаются, но не являются массовыми. Формируемые новыми условиями гибриды и сети ограничены набором характерных форматов взаимосвязей и появляющихся за их счет видов деятельности. Наиболее часто в Москве встречаются гибриды в образовательной сфере (взаимодействие со школами, институтами, детскими школами искусств и пр.), в социальной работе (работа с Центре социальной адаптации, в рамках «Московского долголетия» и пр.), медицине (сестричества, волонтерства в больницах и хосписах) в сфере культуры (музеи, выставки, концерты). Социальная деятельность на приходах реализуется и как государственно-религиозное партнерство, где приход и священники становятся частью городской системы социальной защиты (программа «Московское долголетие»), и как дублирование функций государства в тех сферах, где его возможности ограничены (например, помощь бездомным при храмах).

Ограничен и набор условий, сопутствующих успешному развитию связей между приходом и внешними контрагентами. Возникновение постсекулярных связей в рамках ВБД определяется социальным капиталом прихожан и клира, их профессиональным бэкграундом, позицией настоятеля, активностью работы в рамках викариатства, а также описанными впервые ролью окружения храма (эффект соседства) и значимостью его наименования (ономастический капитал). Социальный капитал прихожан становится драйвером развития контактов прихода не только внутри РПЦ, но и с разного рода светскими организациями. Его эффекты усиливаются, если при коммуникациях в рамках ВБД отсутствуют формализм, вертикальный контроль и жесткие конфессиональные рамки. Наличие всех этих параметров создает возможности для более вероятного появления конкретных видов постсекулярных гибридов на базе приходской деятельности, хотя эти связи нельзя назвать каузальными.

Сформулированная нами гипотеза о возможности формирования постсекулярных гибридов на базе внебogosлужебной жизни православных приходов подтверждается эмпирическими данными, однако подобное возможно далеко не в каждом приходе современной Москвы и не во всех направлениях деятельности. Приходская жизнь православных москвичей и ее трансформации нуждаются в дальнейшем внимательном описании, а рабочим инструментом для ее анализа может выступать рамка постсекулярного подхода.

Список литературы (References)

1. Бергер П. Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 8—20.
Berger P. (2012) Secularisation Falsified. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. No. 2. P. 8—20. (In Russ.)
2. Забаев И., Орешина Д., Пруцкова Е. Проблемы методологии организации социальной деятельности на приходах Русской Православной Церкви в начале XXI в. Материалы семинара «Социология религии». 2010. № 8. URL: https://socrel.pstgu.ru/wp-content/uploads/2013/09/WP_2010-08.pdf (дата обращения: 30.11.2025)
Zabaev I., Oreshina D., Prutckova E. (2010) The Problems of the Methodology of Social Work in the Parishes of the Russian Orthodox Church in the Early XXI. Proceedings of the Seminar "The Sociology of Religion". No. 8. URL: https://socrel.pstgu.ru/wp-content/uploads/2013/09/WP_2010-08.pdf (date of access: 30.11.2025). (In Russ.)
3. Забаев И. В., Орешина Д. А., Пруцкова Е. В. Специфика социальной работы на приходах Русской православной церкви: проблема концептуализации // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 3. С. 355—368.
Zabaev I. V., Oreshina D. A., Prutskova E. V. (2013) Peculiarities of Social Work at the Russian Orthodox Church Parishes: An Issue of Conceptualization. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 11. No. 3. P. 355—368. (In Russ.)
4. Крихтова Т. М. «Господь на первом этаже»: православные часовни в пространстве медицинских учреждений // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2019. № 17. С. 61—75. <https://doi.org/10.19181/inter.2019.17.4>.
Krihtova T. M. (2019) "The Lord Is on the Ground Floor": Orthodox Chapels in the Space of Medical Institutions. *INTER*. No. 17. P. 61—75. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/inter.2019.17.4>.
5. Кырлежев А. И. Постсекулярное: краткая интерпретация // Логос. 2011. № 3. С. 100—106.
Kyrlezhev A. I. (2011) Postsecular: A Short Interpretation. *Logos*. No. 3. P. 100—106. (In Russ.)
6. Кырлежев А. И. «Постсекулярное»: возобновление дискуссии // Философия религии: аналитические исследования. 2024. Т. 8. № 1. С. 20—36. <https://doi.org/10.21146/2587-683X-2024-8-1-20-36>.
Kyrlezhev A. I. (2024) "Postsecular": Renewing the Debate. *Philosophy of Religion: Analytic Researches*. Vol. 8. No. 1. P. 20—36. <https://doi.org/10.21146/2587-683X-2024-8-1-20-36>. (In Russ.)
7. Орешина Д. А., Врублевская П. В., Забаев И. В., Павлюткина Е. Л. «Партнерский приход»: Сотрудничество священников и мирян в развитии социальной деятельности в приходах РПЦ в начале XXI века. М.: Издательство Православно-Свято-Тихоновского Университета. 2021.

- Oreshina D. A., Vrublevskaya P. V., Zabaev I. V., Pavlyutkina E. L. (2018) “Partnership Parish”: Cooperation of Priests and Laity in the Development of the Russian Orthodox Church Parishes Social Work in the Beginning of the XXI Century. Moscow: PSTGU. (In Russ.)
8. Орешина Д. А. Изучение приходских общин в социологии: контексты исследования и основные подходы к концептуализации // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 39. С. 99—126.
Oreshina D. (2014) Parish Community and Congregation Studies in Sociology: Contexts of Research and Main Approaches to Conceptualisation. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)*. No. 39. P. 99—126. (In Russ.)
9. Орешина Д. А. Партнерский приход: сотрудничество священнослужителей и мирян как фактор развития социальной деятельности в современных приходах Русской православной Церкви // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2016. № 5. С. 99—120. <https://doi.org/10.15382/sturl201667.99-120>.
Oreshina D. A. (2016) Partner Parish: Cooperation of Clergy and Laity as a Factor in the Development of Social Activities in the Modern Parishes of the Russian Orthodox Church. *St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies*. No. 5. P. 99—120. <https://doi.org/10.15382/sturl201667.99-120>. (In Russ.)
10. Павлюткина Е. Л. «Скрепление» и ответственность: специфика некоммерческих организаций в работе с бездомными (на примере религиозных организаций) // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 4. С. 539—554.
Pavlyutkina E. L. (2012) “Binding” and Responsibility: Aspects of Non-Governmental Organizations’ Work with the Homeless. The Case of Religious Organizations. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 10. No. 4. P. 539—554. (In Russ.)
11. Смирнов М. Ю. Перманентная секуляризация или постсекулярное общество: к постановке проблемы исследования религии в условиях современной секуляризации // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2023. № 3. С. 134—152. https://doi.org/10.35231/18186653_2023_3_134.
Smirnov M. Yu. (2023) Permanent Secularization or Post-Secular Society? Modern Transformations of Religion in the Perspective of Research Reflection. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2023. No. 3. P. 134—152. https://doi.org/10.35231/18186653_2023_3_134.
12. Узланер Д. Введение в постсекулярную философию // Логос. 2011. № 3. С. 3—32.
Uzlaner D. (2011) Introduction to the Post-Secular Philosophy. *Logos*. No. 3. P. 3—32. (In Russ.)
13. Узланер Д. Картография постсекулярного // Отечественные записки. 2013. № 1. С. 175—192.

- Uzlaner D. (2013) Cartography of the Postsekular. *Otechestvennye zapiski*. No. 1. (In Russ.)
14. Хабермас Ю. Против «воинствующего атеизма» («Постсекулярное» общество — что это такое?) // Русский журнал. 2008.
Habermas J. (2008) Against «Military Atheism». *Russian Journal*. 2008. (In Russ.)
 15. Шишков А. Некоторые аспекты десекуляризации в постсоветской России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 165—177.
Shishkov A. (2012) Some Aspects of Desecularisation in Post-Soviet Russia. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. No. 2. P. 165—177.
 16. Asad T. (2003) Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity. Stanford, CA: Stanford University¹⁶ Press.
 17. Beaumont J. (2008) Faith Action on Urban Social Issues. *Urban Studies*. Vol. 45. No. 10. P. 2019—2034. <https://doi.org/10.1177/0042098008094871>.
 18. Beaumont J., Baker C. (eds.) (2011) Postsecular Cities: Space, Theory and Practice. London: A&C Black. <https://doi.org/10.4000/assr.23436>.
 19. Caputo J. (2001) On Religion. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203183359>
 20. Cloke P., Beaumont J. (2013) Geographies of Postsecular Rapprochement in the City. *Progress in Human Geography*. Vol. 37. No. 1. P. 27—51. <https://doi.org/10.1177/0309132512440208>.
 21. Cloke P., Beaumont J., Williams A. (2013) Working Faith: Faith-based Organizations and Urban Social Justice. Milton Keynes: Paternoster Press.
 22. Cnaan R. A., Boddie S. C., Handy F., Yancey G., Schneider R. (2002) The Invisible Caring Hand: American Congregations and the Provision of Welfare. New York, NY: New York University Press. <https://doi.org/10.18574/nyu/9780814790205.001.0001>.
 23. Hackworth J. (2010) Faith, Welfare, and the City: The Mobilization of Religious Organizations for Neoliberal Ends. *Urban Geography*. Vol. 31. No. 6. P. 750—773. <https://doi.org/10.2747/0272-3638.31.6.750>.
 24. Ley D. (2008) The Immigrant Church as an Urban Service Hub. *Urban Studies*. Vol. 45. P. 2057—2074. <https://doi.org/10.1177/0042098008094873>.
 25. Sider R. J., Unruh H. R. (2005) Saving Souls, Saving Society: Understanding the Faith Factor in Church-Based Social Ministry. New York, NY: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/0195161556.001.0001>.
 26. Stoeckl K., Uzlaner D. (2018) Four Genealogies of Postsecularity. *The Routledge Handbook of Postsecularity*. London: Routledge. P. 269—279. <https://doi.org/10.4324/9781315307831-22>.

¹⁶ Stanford University — организация, признанная в Российской Федерации нежелательной.

27. Thanissaro P.N. (2018) Postsecularity in Twenty Questions: A Case Study in Buddhist Teens 1. *The Routledge Handbook of Postsecularity*. London: Routledge. P. 360—370. <https://doi.org/10.4324/9781315307831-30>.
28. Wigley E. (2018) Unofficial Geographies of Religion and Spirituality as Postsecular Spaces. *The Routledge Handbook of Postsecularity*. London: Routledge. P. 371—381. <https://doi.org/10.4324/9781315307831-31>.
29. Williams A., Cloke P., Thomas S. (2012) Co-Constituting Neoliberalism: Faith-Based Organisations, Co-Option, and Resistance in the UK. *Environment and Planning A*. Vol. 44. No. 6. P. 1479—1501. <https://doi.org/10.1068/a44507>.